

Оглавление

Введение: люди и духи	5
Глава 1	
Человек в космическом измерении	18
Глава 2	
Душа человеческая	29
Глава 3	
Люди среди людей	41
Глава 4	
Костюмерные для духов	69
Глава 5	
Что движет историей?	82
Глава 6	
Славянская колонизация: смешения племен и столкновения духов	88
Глава 7	
Взлет и приземление Рюриковичей. Христианство по-варяжски и по-славянски	94
Глава 8	
Начало Руси: три соперника -- кто возглавит русскую историю?	100
Глава 9	
Московская власть в поисках священного нимба	119
Глава 1	
Духовная круговерть: рождение Империи	131
Глава 11	
Чужие игры и русская самость	139

Глава 12	
Екатерининская эпоха: трон -- дворянство -- низы	144
Глава 13	
Хроники крапивного семени и сопутствующая история	150
Глава 14	
Пракультура -- культура -- психика	176
Глава 15	
Витальная энергия и культурные кризисы	221
Глава 16	
Русская судьба и русский писатель	262
Глава 17	
Спиритологическая антропология о свободе и рабстве	310

Введение: люди и духи

*Мысль о психической предметности -- отнюдь не новое открытие, а скорее одно из самых ранних и всеобщих достижений человечества: речь идет об убеждении в конкретном существовании **"мира духов"**.*

К. Г. Юнг "Психология бессознательного"

Одни считают, что происходящее в человеческом мире обусловлено, главным образом, материальными причинами; другие, -- что по большому счету миром управляет Божественная воля (или много божественных волей); третьи уверены в том, что человеческий мир в основном зависит от желаний и потребностей самого человека, направляемых его собственной природой и личностными предпочтениями. В предлагаемой книге изложена еще одна концепция: происходящее в человеческом мире и в самом деле зависит от людей, однако их ментальность и поведение подвержены влиянию не только материальных причин и "высшей воли", но в большой степени еще одного фактора -- о нем и пойдет речь в данной книге.

Влияние на людей каких-то невидимых сил давно известно. Некоторые из таковых сил научились распознавать и измерять даже приборами (электромагнитные, гравитационные и тому подобные поля), но о многих из них мы почти ничего не знаем, а их воздействие на нас пытаемся объяснять как-то иначе или отвергаем само их наличие. Обширные знания и домыслы по этой части поставяет религиозный и оккультный опыт, этнографические описания обособленных культур, где упомянутые влияния принято называть духами. Под духами обычно понимают нечто невещественное, во всяком случае имеющее не только вещественную, материальную природу. Доказывать существование духов ссылками на ощущения некоторых людей и на загадочные факты, на наш взгляд, несостоятельно, пока не будет выстроена удовлетворительная теория с вытекающими из нее спиритологическими объяснениями разного рода явлений. В этой связи позволим себе напомнить, что реальность, скажем, электромагнитных и гравитационных полей, элементарных частиц и т. п. доказывается не показаниями приборов, экспериментами и ощущениями *как таковыми*, а тем, что благодаря соответствующим весьма стройным теориям эти свидетельства обретают точный смысл и значение. Аналогично при расследовании преступлений доводом обвинения служит не сама по себе улика, а ее связь со всей картиной, представленной обвинением.

С древних времен людям свойственно общение с духами и развитие связанных с ними представлений. При этом наверняка совершается масса ошибок, хотя отнюдь не ясно, что считать ошибкой, а что истиной, как, впрочем, это происходит и в других областях человеческой деятельности. Религии, парарелигии, эзотерические учения измыслили всевозможные представления, как-то объясняющие, демонстрирующие, систематизирующие духовный опыт, и они в огромной степени зависят от языка, культуры, бессознательных и сознательных убеждений, архетипных матриц, характеризующих конкретное сообщество в те или иные эпохи. Колоссальный духовный опыт, ныне в известной мере утерянный, отражен в мифологиях. Во всем этом, как и везде, существуют *принципиальные* ограничения относительно понимания -- речь о духовной сфере. Но в этой сфере -- "постижения духов", "духовного мира" -- более всего непреодолимой сокрытости, неизбежных прорех, латаемых произвольной фантазией. Наиболее трудно преодолимые препятствия заключены в самом исследователе -- в его отнюдь не безграничной способности к рефлексированию, в его недостаточной внимательности к собственным состояниям, наконец, в не слишком уверенной готовности выйти из привычного круга суждений и мнений, когда этого требует его интуиция и логика. Во всяком случае, прежде чем искать духовные реальности где-то, нечто такое он должен обнаружить в себе, -- что, впрочем, в отличие от физикалистского дискурса, вообще характерно для исследований в гуманитарных областях. Тем не менее, коль скоро мы хотим обогатить наше познание, придется вторгнуться со скальпелем Разума в "святая святых" бытия -- в мир духов. Постижение духовной стороны тех или иных явлений позволит лучше понять, объяснить эти явления. Небольшая аналогия: хорошо известно, что человек должен время от времени есть и пить, -- и можно было бы остановиться на этом знании; но все же любопытно было бы выяснить, почему это так и что при этом происходит в организме, -- так родилась физиология. Думается, что "духовная физиология" поможет глубже вникнуть в тайные пружины людского поведения, исторического и повседневного. При употреблении слова "духовный (-ое, -ая)" мы всегда будем подразумевать области, явления, представления, связанные с духами, и совсем необязательно в религиозной сфере.

Под духами мы будем подразумевать некие *природные* подвижные, невещественные или слабовещественные существа, в какой-то мере обладающие мышлением, чувствами и, главным образом, волей. Иногда эти качества намного превосходят человеческие, иногда же они таковы лишь в отдельных проявлениях; есть духовные существа, наделенные отмеченными качествами в очень малой степени. То, что совсем лишено подобных качеств, уже не относится к категории духов, а это овеществленные субстанции (кажется, у Чарльза Пирса была гипотеза, что вещество -- это как бы застывшие духи). Несомненно, что некоторые духи умеют проникать в человеческие тела и в психику, минуя биологические рецепторы, и вдобавок они индуцируются в человеке при восприятии им поступающих извне физико-химических воздействий. И все это сказывается на здоровье, на мыслях и эмоциях, на поведении людей.

Личное Я -- это некие духи, интегрированные в виде "души", постоянно или временно спаянные с нашей самостью, а поскольку духи обладают волей, следовательно сознанием, обладаем ими и мы.

О смертности или бессмертии духов судить не беремся; если верить мифологиям, есть и то, и другое. С достаточной уверенностью можно предположить, что существуют духи, черпающие жизненную силу из как будто неоскудеваемых источников. Вероятно, открытие именно таких духов навело на догадки о божествах. Ведь религиозная практика свидетельствовала о том, что божество каким-то образом может одновременно воплощаться в разные объекты (статуи, предметы, иконы), и вступать в мистические контакты одновременно со многими своими почитателями. В рациональных рамках это можно объяснить лишь неоскудеваемостью источника. Но и не имея такого источника, дух определенного вида может существовать очень долго и пребывая одновременно во многих местах благодаря способности к самовоспроизведению. Победа единобожия над политеизмом, возможно, была обусловлена тем, что "неоскудеваемость" языческих божеств не абсолютна, а ограничена определенным ареалом или этносом.

Что касается устремленности духов к добру или ко злу, то такое разделение их весьма условно, и, скорее всего, имеется множество вполне нейтральных духов, иными словами, спектр духов довольно велик. Добрыми духами принято считать те, что помогают людям, а злыми те, что вредят. Духи, вредящие не в силу того, что они таковы по своей природе, а по собственной воле, называют бесами. *Духи, возможно не все, имеют естественное волевое тяготение к вещественным субстанциям.* При этом духи, в зависимости от их вида, от их "вкусовых предпочтений", устремляются к разным субстанциям. Значение имеет физико-химическая, биологическая, культурная и т. п. природа объекта предпочтения. Вероятно, именно это обстоятельство направляет творческую деятельность людей, стремящихся создавать наиболее притягательные для духов артефакты; тут играет роль и то, с какими духами люди предпочитают общаться.

С исключительной наглядностью это сказалось на архитектуре старинных городов: храмовых сооружений, дворцов знати, синьорий и ратуш, жилых домов, вилл, имений, мостов, на кладбищах, в памятниках. Интерьеры и фасады, строительные

материалы, конструкции служили не только утилитарным целям, но должны были привлекать духов. Люди желали жить в их окружении, дабы свободнее и удобнее общаться с ними, и еще потому, что такая совместная жизнь отвечает исконным потребностям человека, стремящегося отождествляться с окружающим. В каком-нибудь щелеобразном средневековом переулке, где сумели бы разъехаться два-три всадника, возвышаются дома с изумительными фасадами, и их красота, затейливая или величавая, вряд ли может быть оценена прохожими. Каждый владелец старался перещеголять соседа и зазвать духов на свое владение. Такие известные архитектурные элементы, как колонны, капители, кариатиды, арки, пилястры, ниши и т. д. предназначены как своего рода скворечницы для духов. В этой связи стоит поразмышлять над тем, каких духов может притянуть московская высотка, коробка, хрущевка, небоскреб, "сооружение из стали и бетона". Переход от деревянного к каменному строительству несомненно повлиял на духовную атмосферу, а причины перехода имели, возможно, тоже духовные корни.

Пластика и украшение бытовых предметов, оружия, одежды и т. д. в древности, а отчасти и теперь обуславливают причастность этих предметов к духам. И тут опять-таки не худо поразмышлять, каких духов привлекают современные одеяния и предметы. А роль косметики, татуировки?.. Атлетическое сложение, все, что исполнено здоровья, силы, красоты -- желанное прибежище для духов. Все это издавна известно. Нынче носителями знаний в этой области оказываются скорее туземные племена, нежели цивилизованные народы, хотя положиться здесь на твердое знание вряд ли возможно, а интуитивное знание все более засасывается в недостижимые глубины. Пробивается же оно чаще всего у художественно одаренных, то есть духовно чувствительных, натур.

Духам свойственна не только тяга к веществу, но и противоположное стремление -- *быть вполне свободными*, вне обязательной связи с вещественностью. Некоторые духи вообще склонны к широкому распространению, и при этом им бывает нипочем пространство и время. О таких духах можно говорить, что они обладают большой силой. Они "и там, и здесь"; разлетаясь, они иногда продолжают пребывать в излюбленных гнездах (факты подобного рода были, в частности, исследованы Марселем Моссом, о чем он писал в "Очерке о даре" -- есть русский перевод). Таким образом, подобные духи связаны и не связаны с вещественными объектами. Если бы не существовало свободных духов, временное ли это состояние или постоянное, то вряд ли возникло бы представление о мире духов. В мифологиях встречаются духи, никогда не бывающие полностью свободными. Согласно библейской традиции, одни духи добровольно подчиняются Богу, другие не желают подчиняться. Не исключено, что жизнь и смерть вещественных субстанций зависит от поведения духов: вселяясь в вещество, дух его оживляет, а покидая его, умертвляет. Однако надо иметь в виду, что жизнь и смерть -- гораздо более широкие категории, нежели принято считать: видам духов соответствуют разные виды жизни и смерти, в том числе и переходные состояния. Скажем, после того, как дух (душа), постоянно пребывавший в живом человеке, уходит от него, труп продолжает жить, но иной жизнью, поддерживаемой другими духами, -- следы такого воззрения есть в мифологиях, религиях, фольклоре. Возможно, эти "трупные духи" являются родовыми, в отличие от индивидуальной души; как будто существуют и "ангелы смерти".

Противоположные (сознательные и бессознательные) стремления к отождествлению с чем-либо или кем-либо и к независимости от чего-либо или кого-либо обычно выливаются в компромисс: сообщества и отдельный человек в ходе истории в известной степени *обособляются* от окружающего так, что отождествление с ним дозируется культурой; человек также меняется биологически, и притом в сторону того, что тоже приводит к ограничениям в части отождествления с окружающим. Запреты отождествляться, сближаться, входить в контакты особенно видны в разных культурах -- эти функции выполняют мораль, идеология, законы, житейская практика; запретительно-ограничительный характер присущ большинству государственных институций. Полагаем, что отмеченные явления в известной мере относятся и к миру духов. Более того: не исключено, что аналогичные стремления духов (к отождествлению, свободе и обособлению) предопределяют те же стремления у людей. Существуют "ревнивые" духи, нагруженные по преимуществу функциями охранения, запрещения, истребления. Народно-исторический опыт нередко приписывает эти особенности духам предков, родовым духам. Тенденцию к обособлению иногда называют "инстинктом самосохранения".

Последователи многих религий предаются аскезе -- умерщвляют плоть и смиряют душу, -- для того чтобы в них охотнее вселились определенные духи; некоторые жизнелюбы поступали и поступают наоборот, насыщая телеса и предаваясь удовольствиям, тем самым тоже предоставляя убежище для духов, но совсем других. Духи проникают в людей через пищу, питье, дыхание и как-то еще. Поэтому у религиозных людей принято освящать все то, что "входит в человека", и при этом делать это только в присутствии своих.

Всем известен тривиальный факт: люди, как правило, расселяются совместно, группами, племенами, говоря обобщенно, социумами, -- будто действует невидимая сила, притягивающая людей туда, где их уже достаточно много; люди тянутся к обжитому и редкий человек предпочтет какую-нибудь "пустынь". Аналогичные явления бросаются в глаза в растительном и животном мире. Объясняют это инстинктом стадности, преимуществами общественной жизни, как-то еще. Однако объяснения такого рода относятся к поверхности явления. Думается, что более глубокое понимание этих явлений следует искать в мире духов, ибо именно они в большой мере детерминируют поведение людей и животных. Коротко говоря, мы предполагаем, что *стремление к совместному обитанию, к сближению есть характерное свойство в чем-то однотипных духов*. И такое же стремление передается тем, в ком селятся духи.

Наверняка источником духов является и сам человек, духовно одаривающий других людей, а бывает, таким способом подчиняющий их себе. Возможно, что аналогичным образом человек, в той или иной степени, оживляет и вещественные предметы, для чего ему бывает достаточно воспринять их, попросту поглядеть на них. Воспринимая предмет, человек фактически воспринимает идущий от него дух, и затем, привнося в него нечто человеческое, отправляет обратно (или же дух сам возвращается). К. Г. Юнг описывает такой сон: "Это были каменные плиты, на которых лежали мертвецы <... > Я остановился перед первой могилой и стал рассматривать мертвеца. Он оказался человеком тридцатых годов прошлого века. Я

стал изучать его костюм, когда он вдруг зашевелился и разнял руки. Я понял, что это произошло только потому, что я посмотрел на него" ("Воспоминания, сновидения, размышления"). Человек не просто приписывает вещам жизнь, а действительно наделяет их ею. Это не значит, что духи сами не могут вселяться в вещи. Человек же для них наиболее притягателен. И они играют в его жизни огромную роль: принимают участие в его психической деятельности и даже учат. Юнг (там же) отмечает: "Но всегда находятся люди, учителями которых были духи"; когда мы сами с собою говорим, мы говорим с духами, которых таким образом персонифицируем: "Если нам удастся отстранить от себя бессознательные элементы и каким-то образом их персонифицировать, то установить с ними сознательную связь окажется не так уж трудно". Юнг утверждает, что его собеседником нередко являлась его собственная душа: "Постепенно я научился различать то, что я действительно думал, и то, что говорила мне Анима".

Тут мы подходим к проблеме восприимчивости духов человеком. Вероятно, именно довольно беспрепятственное проникновение в него духов обезоруживает его перед ними. Не случайно в христианстве выработаны очень искусные и далеко не всем доступные психосоматические молитвенно-аскетические практики противостояния нежелательным духам ("бесам"), и практики привлечения желательных духов. Собственно говоря, вся молитвенная жизнь сводится к этому. Боязнь проникновения вредных с религиозной точки зрения духов приводит к развитию психоиммунной системы -- защитных психических механизмов. Что иногда выливается в ограждение от всяких духов, несколько, впрочем, иллюзорное, так как от наиболее агрессивных духов вряд ли можно оборониться.

Благодаря воображению и обращению к духам человек способен на них настраиваться. Скажем, кому-то страстно полюбились животное, цветок, предмет, кого-то привлёк персонаж книги, спортивной газеты, книги, фильма, другой человек. И тогда есть вероятность того, что дух любимого существа, даже созданного воображением, угнездится во взыскующем его человеке. К схожим явлениям относится частичное отождествление с вождями, полководцами, лидерами, культовыми фигурами масс-медиа, родителями и т. п., бессознательно или осознанно транслирующими свои духовные эманации в ответ на интерес и любовь к ним. Восприятие духов животных также приводит к частичному отождествлению с ними, что представлено, например, в образе кентавра.

Ослабление восприимчивости к духам, как и ее обострение, встречается в истории нередко и обуславливает весь строй жизни и психику. Связь с духами прерывается и в том случае, если сам человек таков, что духи его избегают. Изучение истории под этими ракурсами, думается, было бы чрезвычайно интересным и помогло бы дополнить и откорректировать массив сведений о роли духов в человеческом мире, которым располагают религии, культуры, мифологии. Двигатель истории -- человек, а ведь и сама человеческая душа родственна духам, не только гостящим в ней, но, возможно, и составляющим ее, и наше тело живо благодаря одухотворению. Ослабление и обострение восприимчивости приводит соответственно к обособлению человека от мира и к отождествлению с ним, -- а это те пракультурные начала, которые, перемежаясь, сопровождают всю историю.

Задолго предшествовавшее христианству древнейшее духоведение знало великое множество разномастных духов -- по сути вся природа и человеческий обиход, животные и растительность, земля, горы, светила, реки, озера, моря, ветры, жилище и все подручное, изображения, статуи ("идолы") и т. д. -- все это было напоено и движимо своеобразными живыми силами. Но со временем чувствительность к ним, как к живым, притупилась, знание о них стало словесно-ритуальным, умение общаться с большинством духов забылось -- тогда и остались ангелы и бесы, а потом и в их существовании усомнились... Вместе с тем, еще очень долго сохранялась уверенность во всеобщей оживленности, духоносности всего на свете. Эта уверенность не покидает религиозно ориентированных людей и сейчас, принимая разные формы, -- в христианстве, например, существует догмат о присутствии Святого Духа и божественной опеки над всем и во всем. Уверенность во всеобщей одухотворенности направляла философские прозрения многих мыслителей во все времена.

Душевная жизнь с ее колеблющимися образами, памятливыми картинками, мыслями, с ее воображением, динамикой и нелогичностью наяву и во сне не просто подвержена вмешательству духов, но и является жизнью духов. Среди людей встречаются и такие, о которых К. Г. Юнг говорил, что они не замечают границы между своим внутренним миром и миром внешним. Юнг ошибался, считая, что эта маргинальная особенность присуща "дикарям", и относил ее в разряд патологий, коль скоро она обнаруживается в цивилизованном человеке (о таком человеке говорят, что он путает реальность с фантазией). Почему же у цивилизованного человека, как правило, происходит разделение бытия на мир внешний -- вещественный и мир внутренний -- душевно-духовный с образованием определенной и жесткой границы между ними? На самом деле различие между тем, что считается "внутренним" и "внешним", в основе своей состоит лишь в том, что первое в какой-то мере поддается нашей воле, а второе не поддается: *речь идет о воле, управляющей душевной субстанцией*. В этом и заключается причина разделения. Человек выгораживает некую часть бытия, которую идентифицирует с собою, -- ту часть, где может разгуляться воля, то есть ту часть, где он что-то значит, где он чувствует себя более или менее хозяином. Правда, ему становится мало самого себя, ибо ему свойственно все усиливать, доводить до максимума, и он норовит хозяйничать за пределами той области, где воля способна что-то менять *непосредственно* -- без силовых посредников, -- так возникает стремление "покорять природу". Преобразование внешнего мира вполне отвечало и упорной тенденции растущего сопротивления духам -- их влиянию на жизнь людей. Следом за глухой защитой от духов пытаются их заставить служить людям (магия), а всевозможные технологии переработки природных субстанций появились не сами собой, а в первую очередь чтобы обессилить связанных с этими субстанциями духов, показать им "кто в доме хозяин". Люди на самом деле борются не столько с физической природной субстанцией, сколько с населяющими ее духами. Когда-то это понимали, а теперь успешно насаждается представление о природе как о неодоушевленной.

Проблематика "внешнего" и "внутреннего" миров имеет прямое отношение к нашей теме. В этой связи рискнем высказать следующие положения. Прежде всего следует уяснить, что основная функция воли -- это интеграция психофактов. Поскольку характеристическим признаком "внутреннего" служит непосредственное проявление воли, а "сознание" несомненно относится

к "внутреннему", его признаком тоже является действие воли. Что касается "бессознательного", то на него воля так же мало действует, как и на "внешний" мир. Это объединяющее их свойство позволяет видеть в них нечто единое, хотя способ их восприятия различен. "Внешний" мир, как и "бессознательное", полны духами, с которыми мы сталкиваемся. Сознательное, то есть волевое, оперирование образами вещей, мыслями о них и т. п., как и символами "бессознательного", есть своего рода хитрость -- попытка обойти ограниченность нашей воли, обойти недоступность ей "внешнего мира" и "бессознательного", иными словами, попытка создать видимость нашего всемогущества... Впрочем, вряд ли стоит полагать, что граница между сознанием и бессознательным очень четкая, -- в какой-то степени она размыта, как размыта граница между психическим и телесным, между человеком и миром.

Говоря о коллективном бессознательном, Юнг не устает указывать на его глубокую, мы бы сказали пракультурную, древность, которая давным-давно утонула в веках, и, тем не менее, всегда готова вынырнуть и поглотить нас. Всего три цитаты: "... Бессознательное и "страна мертвых" суть синонимы"; "Коллективное бессознательное <... > *argiōi* есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена"; "Поскольку мы через наше бессознательное причастны к исторической коллективной психике, мы, конечно бессознательно, живем в некоем мире оборотней, демонов, колдунов и т. д.; ибо это вещи, которые наполняли все прежние времена мощнейшими эффектами. Таким же образом мы причастны к миру богов и чертей, святых и грешников". При этом Юнг уверен в том, что бессознательное, будучи явлением психическим, есть в то же время существующая сама по себе действительность. Ни в коей мере не выдуманная, как не являются миражами или болезненными фантомами окружающие нас дома, небо, земля и т. д. Онтологический характер бессознательного, трактовку его в качестве основы любой действительности обосновывал еще до Юнга Эдуард Гартман.

Развивая догадку, что внешний мир и бессознательное тесно связаны, мы приходим к выводу, что внешний мир по сути относится к категории бессознательного (лучше бы сказать, внесознательного). Вот предо мною деревцо, ветви которого, поддаваясь ветру, уже много лет с любопытством заглядывают в мое окно. Приписывая ветвям любопытство, этакую смешанную с симпатией нескромность, я это делаю не для того чтобы оживить текст, а потому, что я и в самом деле реально ощущаю в них своеобразную жизнь, в чем-то, пусть и в малой степени, но подобную моей. И в то же время я *не имею оснований считать, что осознаю это дерево в качестве вещественной субстанции*; ощущаю его, как-то воспринимаю, что-то о нем знаю, но в указанном качестве оно вне сферы собственно сознания. Так как моя воля не властна над ним, а в моей власти лишь его образ в моей психике, вызванный духом этого деревца и выражающий этот дух. Точно так же и бессознательное, о котором пишут философы, психологи и психиатры, -- его ощущаемые и воспринимаемые мною феномены, в чем-то схожие или не схожие с объектами окружающего, появляющиеся более в снах, чем наяву, сами по себе мне не подвластны. Как не подчинены мне прошлое, "царство мертвых", демоны, ангелы, святые, божества и сам Бог -- они в силу той же логики относятся к области бессознательного; в моей власти лишь что-то о них спорадически открываемое мне.

Сознание в какой-то мере господствует над восприятиями того, что посылают душе органы чувств (зрение, слух и т. д.), -- это на них действуют духи *вещественного* мира. *Однако действительность многослойна*. Она источает духи из слоев разной глубины, в том числе из слоев слабовещественной и неведущественной действительности, и многие из духов проникают в человека не через органы чувств, а как-то иначе, что относится в первую очередь к более фундаментальным слоям. Духи этих слоев вряд ли соотносятся с трехмерным пространством и временем. По этому поводу уместно прислушаться к замечанию Юнга о том, что "психэ подчас функционирует по ту сторону пространства, времени и законов причинности" ("Воспоминания, сновидения, размышления"). Многие факты свидетельствуют о более высоком "энергетическом" потенциале глубинных слоев. Многослойность действительности обычно представляют в виде расположения разных действительностей во времени: менее доступные и совсем недоступные нашей воле идущие от них духи разум склонен помещать в самую дальнюю, пракультурную древность. То, что ее феномены принимают облики демонов, чудищ и т. п., зависит именно от того, что они нам непонятны, неподвластны и потому страшны. *Таким образом, духи эманцируются из разных слоев действительности и разными путями входят в человека: внешний мир -- это самый близкий нам по времени слой бессознательного, пракультурный слой -- самый далекий, слабовещественный или совсем неведущественный.*

Говоря о чем-либо "пракультурном", мы подразумеваем нечто постоянное, нечто предшествующее любой наличной культуре, любому образу жизни и способу существования. Это нечто, возникшее в доисторической древности и навсегда оставшееся, организует психику и канализируется культурами, которые сдерживают энергию пракультуры и в то же время используют ее для своих целей.

Обращаясь к пракультуре, мы здесь в первую очередь имеем в виду древнейших духов, освободившихся от вещественности и пробивающихся через хронологические слои действительности к сегодняшнему дню. Это природные, в том числе человеческие, свирепые духи, еще не ослабленные, не "облагороженные" культурами. Они были всемогущи в далеком прошлом, которое живо в Бессознательном. Пракультурный характер носят и закономерности, обобщающие явления в мире духов. Особенно заметно, что сильные духи вытесняют, подчиняют, поглощают слабых духов; что духи стремятся угнездиться в вещественных субстанциях; что духи стремятся к совместному обитанию; что духи желают быть свободными и огражденными от нежелательного вмешательства. В человеческом мире это выражается в стремлениях к превосходству, к отождествлению индивида с другими объектами, в том числе с другими индивидами, к обособлению (независимости). Эти стремления, которые можно еще назвать пракультурными установками, иногда поддерживают друг друга, иногда вступают в конфликт.

Особенно пагубную роль в познании мира и человека сыграла установка на превосходство, выразившаяся в торжестве эволюционной концепции в гуманитарных науках. Колоссальный пласт познания жизни духов, накопленный человечеством за тысячелетия, фактически стал лишь предметом ученого любопытства и был представлен плодом суеверий, заблуждений, невежества и т. п. Ибо вера в эволюцию, превратившись в идею прогресса, заведомо отменяет все прежнее. Несмотря на то,

что антропологи, этнологи, историки позднее сами усомнились в универсальной правомерности эволюционного подхода, значительная часть "белого человечества", полагая свою культуру, науку, технику и самих себя вершиной исторического развития, не может признать за культурами и знаниями "первобытных" и "примитивных" народов чего-либо положительного, подлинного, разве что какие-то практические приемы. Знание о духах принято относить к верованиям, к тому же ложным, хотя в немалой степени оно опирается на прямой и длительный опыт, как, впрочем, и современные естественные науки. Только в отличие от них в качестве "прибора" служит сам человек, испытывающий в себе присутствие духов. И нужно дойти до крайнего примитивизма, чтобы не реагирующим на духов техническим приборам доверять больше, чем натуральному, не задуренному абстракциями человеку, с его тончайшей природной организацией, чувствительностью, умением подмечать связи. Для обнаружения духов приборы вообще вряд ли когда-нибудь пригодятся: особенно это касается невещественных и обладающих энергией нефизического происхождения духов; человек чаще всего обнаруживает их, когда они уже проникли в него. Но и те духи, которые содержат элементы вещественности, вряд ли могут фиксироваться приборами, реагирующими только на эти элементы. Вместе с тем вполне очевидно, что человек не является преимущественно, а тем более исключительно духовным: он воспринимает и вещественные воздействия, которые влияют на его жизнь, индуцируя духов.

Как уже отмечалось, люди желают одухотворяться и во то же время боятся духов. Религии утверждались отнюдь не только для торжества "духовного начала" как такового, а, напротив, чтобы похоронить то, что переставало быть живой реальностью в мире духов. Как это делалось, особенно хорошо видно в монотеистических религиях: пантеон языческих божеств, культ которых все более клонился к упадку, а также весь сонм духов, угнездившихся в водах, деревьях, камнях и т. д., был наречен бесами или признан попросту несуществующим. Тут, пожалуй, была неизбежность: люди настолько утратили реальную восприимчивость к духам, что пришлось сохранить хотя бы что-то из духовного мира (как говорится, не до жиру, быть бы живу). А что же дальше? -- ничего нет удивительного в том, что массовое изгнание духов из культурного обихода укрепляло убеждение в иллюзорной самодостаточности человека, а тот остаточный духовный мир, который был религиями признан, в глазах новых поколений тоже становился сомнительным. Ведь пресечь какую-либо набравшую энергию тенденцию очень трудно: вспомним притчу об ученике чародея, который забыл запретительное слово.

Ежели в создании человека действительно была какая-то цель, то, видимо, она заключалась в том, чтобы сделать его медиатором, примирителем соперничающих и ссорящихся духов, а следовательно и тех, кого они вдохновляют. О нескончаемой борьбе богов, племен, героев, о бурной жизни природных стихий сообщают мифологии, народные религии, исторические свидетельства -- так доколе ж?.. Судьбы мира и человечества свидетельствуют о том, что возложенная на людей миссия то удавалась, то терпела поражение.

Человек в самом деле способен воспринимать духов "разного цвета": белых, черных, красных, синих и т. д. В самом себе и с помощью Сотворившего "всех и вся" он должен умирить их и найти их синтез. В средиземноморском регионе это иногда

получалось у древних египтян, во многом наследовавших им греков и римлян. Когда же эта удивительная человеческая порода вымерла, и возможно из-за того, что разучилась мирить духов, они окончательно рассорились, и вместе с ними разрушился величественный мир, о котором мы можем теперь судить только вчитываясь в дошедшие до нас письма и озирая каменные руины, внутренним слухом улавливая то ли плач, то ли заунывный вой. Кому довелось в сумеречный час взглянуть на сокрушенные, но вопиющие к небу развалины римских форумов, не мог этого не почувствовать.

Спасти положение -- исполнить миссию примирения -- взяло на себя еще не ополчившееся на всех природных духов пришедшее на смену античности христианство. Потом, в Европе, эта тенденция не раз искажалась и оттеснялась, пока ее не оживили францисканцы. С поразительной наглядностью она явила себя в последнем мощном взлете -- в ренессансном искусстве и европейском барокко. В частности, мы имеем в виду множество ныне бережно сохраняемых монументальных памятников дохристианской эпохи, увенчанных и примиренных Крестом, статуей Спасителя или водруженных в христианских храмах. Итальянские католические храмы вообще не боятся совмещать зооморфные изображения, святых, иконы и картины, символику жизни и смерти, этрусские саркофаги и остекленные гробы, захоронения под плитами и выставленные на всеобщее обозрение узоры из костей умерших -- совмещать в непостижимом единстве божественное и человеческое, в самых разных его проявлениях.

В России духовно-примирительные интенции христианства наибольшее значение имели в период с XIV по первую половину XVI в. Как и в Италии в ту же эпоху, вдохновителем этих интенций была Церковь, не столько в лице ее официальных предстоятелей, сколько во всей ее полноте. Иконопись, церковное пение и церковная архитектура той эпохи до сих пор остаются непревзойденным образцом русской христианской духовности. Ее внутреннее содержание и форма очень отличны от христианской духовности итальянского Ренессанса, что нисколько не умаляет ни того, ни другого; в данном случае их сравнительные оценки, на наш взгляд, бессмысленны. Государственно-политическое сплачивание русских земель в то время, на что обычно обращают наибольшее внимание, было одним из следствий духовного движения, но не единственным и, пожалуй, не главным следствием. Главным же было реальное, хотя и не быстрое и не без потерь, примирение духов земель и разбросанных на бескрайних просторах человеческих сообществ. Не забудем и того, что основой иконописи, церковного пения и церковной архитектуры в России, как и духовно-художественных достижений Ренессанса, были высота и сила души тех, кто творил немеркнувшие в веках образцы.

Об авторах

Лев Эдуардович ВАНД

Кандидат технических наук. В 1960 г. окончил Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева по специальности "инженер-строитель". В 1972 г. защитил диссертацию на тему "Методы проектирования городского жилищного строительства на основе математических моделей". Работал в Центральном научно-исследовательском и проектно-экспериментальном институте автоматизированных систем в строительстве (1962--1981) и Центральном научно-исследовательском институте экономики и управления в строительстве (1981--1988). С конца 70-х до 90-х годов принимал активное участие в Социологическом семинаре под руководством Ю. А. Левады. Начиная с 2000 г. активно участвовал в семинаре при Научном совете по истории мировой культуры РАН. Автор книг "Генеалогия культуры и веры: зримое и тайное" (2000), "Четвертый Рим, или Русские печали" (2004), "Голоса: эссе, рассказы, сказки" (2004) (все -- совместно с А. С. Муратовой), а также множества публикаций в научных журналах. Последние несколько лет занимается освоением новой области гуманитарного знания -- спиритологической антропологии.

Анна Сергеевна МУРАТОВА

Окончила Московский государственный институт культуры по специальности "Библиотечковедение и библиография". Помимо работы в библиотеках преподавала в государственных и частных школах по собственным авторским программам: "Основы понимания русской культуры", "Древнерусская литература и фольклор" и др. В 1990-е годы вместе с Л. Э. Вандом проводила экскурсии по соборам Московского Кремля. Автор книг "Генеалогия культуры и веры: зримое и тайное" (2000), "Четвертый Рим, или Русские печали" (2004), "Голоса: эссе, рассказы, сказки" (2004) (все -- совместно с Л. Э. Вандом), а также публикации "Обряд и праздник" в журнале "Мир психологии" (2001). Последние несколько лет занимается освоением новой области гуманитарного знания -- спиритологической антропологии.